

ВВЕДЕНИЕ.

Кто свылся съ нынѣшнимъ уровнемъ культурнаго развитія, кто знаетъ, какая цѣна придается теперь, при всякихъ обстоятельствахъ, знанію и основаннымъ на немъ техническимъ способностямъ, тотъ, быть можетъ, лишь съ трудомъ представитъ себѣ, какихъ усилій и какой борьбы стоило наукѣ завоеваніе этого положенія въ жизни. Между тѣмъ выдающаяся роль, которую знаніе играетъ въ общественномъ укладѣ, нисколько не понятна сама собою. Оно не занимало этого мѣста въ простыхъ и первоначальныхъ формахъ человѣческаго общежитія, гдѣ рѣшающее значеніе принадлежитъ скорѣе силѣ мышцъ и твердости воли; и хотя въ процессѣ историческаго развитія наука съ неодолимою силой завоевала себѣ это положеніе, — ея вліяніе проявляется у различныхъ народовъ въ отдѣльныя эпохи съ неодинаковою энергіей. Но знаніе никогда не господствуетъ безраздѣльно — его притязанія постоянно, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, оспариваются другими силами.

Наше время обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи своеобразный двойственный характеръ. Мы съ удивленіемъ присутствуемъ при побѣдномъ шествіи науки, стремительно подчиняющей себѣ одну за другою силы внѣшняго міра, шута преодолевающей сопротивленіе времени и пространства, и до такой степени проникающей все человѣческое существованіе, вплоть до его мельчайшихъ частныхъ инте-

ресовъ, что зависимость жизни отъ науки непосредственно чувствуется на каждомъ шагѣ; и рядомъ съ этимъ мы испытываемъ — въ немалой степени также въ Германіи — давленіе сильныхъ злободневныхъ вѣяній, стремящихся умалить цѣну научнаго образованія, потому ли, что объективная строгость послѣдняго грозитъ отдѣльнымъ лицамъ подорвать успѣхи ихъ практической мудрости, или потому, что они опасаются, какъ-бы спокойствіе и ясность знанія не охладили тѣ страсти, на стихійной силѣ которыхъ построены расчеты партій. Все шире и шире разливаеся этотъ мутный потокъ, и среди великихъ и трудныхъ вопросовъ, которые мы оставляемъ въ наслѣдство наступающему вѣку, не послѣднимъ будетъ вопросъ о томъ, какое мѣсто между различными сторонами жизни человѣчества должно быть сохранено за наукою. Какъ тяжелое бремя лежитъ этотъ нерѣшенный вопросъ на нашѣмъ поколѣніи: несчастный мыслитель, въ которомъ, не сдерживаемая сильной индивидуальностью, тѣснились въ горячей борьбѣ всѣ стремленія современнаго ума, Фридрихъ Ницше — какъ метался онъ въ бурномъ приливѣ и отливѣ своихъ мыслей между обоготвореніемъ науки и презрѣніемъ къ ней!

При такихъ условіяхъ умъ невольно обращается къ прошлому, чтобы понять и оцѣнить тѣ побужденія и идеи, которыми было вызвано и создано это социальное значеніе науки въ исторіи. Въ процессѣ историческаго развитія нѣтъ другой эпохи, столь важной, знаменательной и поучительной, какъ та, которая связана съ именемъ Платона. Въ немъ, какъ въ образцѣ, на всѣ времена воплощенъ культурный идеалъ человѣчества: созиданіе жизни посредствомъ науки. Въ этомъ заключается самая сущность его личности и лучшее содержаніе его жизни и дѣятельности; въ этомъ заключается глубочайшій смыслъ его ученія, источникъ его могучаго вліянія въ исторіи, причина его неувядающаго значенія даже для нашихъ дней.

Это положеніе Платона въ исторіи основано на томъ, что его убѣжденіе о сущности, цѣнности и цѣли науки — убѣжденіе, проникающее его жизнь и его ученіе, сложилось и развилось подъ вліяніемъ потребностей и горестей греческаго міра. Подобно тому, какъ въ этомъ мірѣ всѣ великіе вопросы человѣческаго духа въ типической простотѣ и величественной односторонности получали чеканно-отчетливое выраженіе, такъ и Платонъ, охвативъ на высотѣ научной дѣятельности своего народа прозорливымъ окомъ конечную задачу этой дѣятельности, сдѣлалъ ее сокровеннѣйшей сущностью своей личности и своихъ стремленій, и въ своемъ ученіи и сочиненіяхъ изложилъ ее въ законченной формѣ.

Данныя для этого заключались въ особенностяхъ того процесса, которымъ до него наука у грековъ развилась въ особый, опредѣленный, независимый отъ остальныхъ, видъ дѣятельности, и въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя, на основаніи этой самостоятельности, создались между наукою и всѣми прочими формами народнои жизни. Для пониманія задачи Платона необходимо окинуть взоромъ эти отношенія.

Благопріятное экономическое положеніе, составляющее въ извѣстной степени необходимое условіе и для духовнаго развитія, въ предѣлахъ греческаго міра раньше всего выпало на долю торговыхъ городовъ на его окраинахъ, такъ называемыхъ колоній, въ Іоніи, въ Сициліи, въ Нижней Италіи и во Фракіи. Въ нихъ возникла и греческая наука, перешедшая отъ практическихъ свѣдѣній, накопленныхъ опытомъ, и отъ фантастическихъ образовъ мифологіи къ изслѣдованію природы; ея первыми темами были общія отношенія вѣшняго физическаго міра, ея интересами — вопросы изъ области астрономіи, физики и метеорологіи. Отсюда она постепенно переходила къ отвлеченнымъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ подготовлялись основныя формы научнаго міросозерцанія. Однако эти стремленія, хотя и проявляющіяся въ оживленномъ литературномъ об-

мѣнѣ, имѣютъ вначалѣ характеръ своеобразной замкнутости: ихъ носителями являются отдѣльныя личности или тѣсныя, судя по всѣмъ даннымъ, замкнутые въ себѣ школьные союзы на товарищескихъ началахъ. Именно это показываетъ, что здѣсь наука, т. е. самодовлѣющее и само по себѣ привлекательное познание, возникла какъ обособленный отъ всѣхъ прочихъ органъ культурнаго духа. Эта «философія» ведетъ среди бурной общественной жизни тихое изолированное существованіе. Однимъ только неизбѣжнымъ своимъ воздѣйствіемъ на религиозныя представленія она, первоначально враждебно, соприкасается съ народнымъ духомъ и въ пифагорейскомъ союзѣ дѣлаетъ первыя попытки реформировать его и оказать на него воспитательное вліяніе.

Могучій подъемъ національнаго самосознанія, вызванный персидскими войнами, произвелъ рѣзкую перемѣну и въ этой области: въ огромный переворотъ, которому подверглась вся дѣйствительность, была вовлечена и наука. И эта внутренне-окрѣпшая сила должна была теперь начать служеніе цѣлямъ общественной жизни. Для грековъ въ это время давно уже миновала эпоха спокойныхъ, неизмѣнно передававшихся отъ поколѣнія къ поколѣнію привычекъ вѣры и жизни: горячая борьба между городами, и въ городахъ между отдѣльными родами и лицами вызвала къ жизни всѣ силы и поколебала значеніе всего установленнаго въ области права, порядка и обычая. Огромную цѣну прибрѣла при такихъ условіяхъ личность, яснѣе сдѣлалось значеніе собственнаго опыта и самостоятельнаго размысленія. Кто слѣпо и не разсуждая держался старыхъ традицій, того затаптывали въ великой битвѣ или отбрасывали въ сторону; побѣдный лавръ въ борьбѣ за существованіе выпадалъ на долю построеннаго на знакомствѣ съ дѣйствительностью сужденія.

Такимъ путемъ у грековъ вырабатывалось со-

знаніе, что всякое умѣніе, въ политикѣ, какъ и въ области ремесла или искусства, должно быть плодомъ выучки; въ этомъ сознаніи заключался противовѣсъ противъ все усиливавшейся демократизаціи государственнаго строя, противъ уничтоженія всѣхъ сословныхъ различій, противъ господства толпы и жребія. Но въ тоже время изъ него возникло неизвѣстное дотолѣ честолюбивое стремленіе къ образованію и потребность въ обученіи политическому искусству. Такимъ искусствомъ при данныхъ условіяхъ могло быть только ораторское. Только сила убѣдительнаго краснорѣчія могла, какъ показалъ блестящій примѣръ Перикла, доставить въ демократическомъ государствѣ господство надъ умами.

Поэтому люди съ жадностью и любопытствомъ набросились на ту «мудрость», которая до этихъ поръ шла своимъ отдѣльнымъ путемъ. Она, плодъ благороднаго досуга и безкорыстныхъ занятій, должна была удовлетворить всѣмъ требованіямъ и ожиданіямъ и изъ гражданина сдѣлать умѣлаго государственнаго дѣятеля. И вотъ явились люди, которые взяли своими познаніями рѣшить эту задачу; ихъ называли людьми мудрости, софистами. Такимъ образомъ наука обратилась въ обученіе, и скромные изслѣдователи стали публичными учителями. Знаніе и обученіе сдѣлались профессіей, искусствомъ, которое, какъ и всякое другое, вскорѣ пустилось въ погоню за хлѣбомъ. Въ процессѣ социальной дифференціаціи самостоятельно развернулся новый органъ: отнынѣ научная работа должна была вступить въ плодотворное взаимодействіе съ прочими видами общественной дѣятельности.

Но эта задача была еще впереди. Какими данными обладали софисты для ея выполненія? Когда они прежде всего начали извлекать чужую мудрость изъ книгъ послѣдняго столѣтія, они нашли тамъ много свѣдѣній по естественной исторіи, набранныхъ изъ всевозможныхъ иностранныхъ и своихъ греческихъ источниковъ, и множество пояснительныхъ

теорій фізическаго и метафізическаго характера; изъ этихъ теорій однѣ были трезвы и осторожны, другія—смѣлы и фантастичны, однѣ привлекали своей наглядностью, другія ошеломляли своей отвлеченностью, и всѣ онѣ находились въ противорѣчїи другъ съ другомъ, и каждая изъ нихъ была такъ же шатка, какъ другая. Такими познанїями можно было блистать передъ изумленными слушателями; отъ этой трапезы можно было набрать много крохъ, пригодныхъ для того, чтобы съ важнымъ видомъ уснащать ими повседневные разговоры; но этого еще не давало возможности ни учить, ни учиться искусству быть дѣльнымъ гражданиномъ и политикомъ. Поэтому софисты, не отказываясь и отъ этихъ приманокъ, главное значеніе придавали все таки ораторскому искусству. Менѣе значительные изъ нихъ довольствовались, вѣроятно, преподаваніемъ внѣшнихъ аксессуаровъ краснорѣчїя, какъ фразеологія, произношеніе и декламация, или же обученіемъ различнымъ приемамъ доказательствъ и опроверженій въ судебныхъ и политическихъ рѣчахъ, и они довели, повидимому, технику адвокатскихъ уловокъ до значительнаго совершенства; лучшіе же, съ Протагоромъ во главѣ, дали этому своду практическихъ правилъ болѣе глубокое содержаніе: они старательно изслѣдовали, какъ возникаютъ человѣческія мнѣнія и оцѣнки, и какъ можно сдѣлать ихъ убѣдительными для другихъ. Отсюда развились психологическія теорїи и зачатки общихъ логическихъ и этическихъ правилъ. Но такъ какъ изслѣдованіе было всегда направлено только на вопросъ о томъ, какъ возникаютъ человѣческія воззрѣнія и намѣренія, и какъ можно на нихъ вліять, то въ конечномъ результатѣ постоянно является только тотъ выводъ, что все можно доказать и все можно опровергнуть, что всякое мнѣніе и всякая оцѣнка дѣйствительны только для разсуждающаго и оцѣнивающаго лица, но не дальше. Отказавшись такимъ образомъ отъ сверхъ-личной истины, мудрость софистовъ оказа-

лась неспособной исполнить свою національную и социальную задачу: она могла только увеличить путаницу, выходъ изъ которой ей слѣдовало найти и указать. Когда въ V вѣкѣ Аѣны сдѣлались экономическимъ, на короткое время также политическимъ, и навсегда духовнымъ центромъ Греціи, тогда здѣсь достигло пышнаго расцвѣта и софистическое движеніе; но именно здѣсь оно явилось самымъ болѣзнетворнымъ агентомъ начинавшагося разложенія общественной жизни.

Эту опасность понялъ своимъ просто и здоровымъ умомъ Сократъ. Геніальный представитель греческаго просвѣщенія, онъ былъ вполнѣ согласенъ со своими противниками-софистами въ томъ, что всякое умѣнье основано на знанїи, и что только познаніе создаетъ дѣльныхъ и счастливыхъ людей, и онъ облекъ эту мысль въ наиболѣе удачную форму. Но онъ понималъ также, что искусство софистовъ направлено исключительно на охраненіе личныхъ интересовъ и на ихъ успѣшную защиту; этой цѣли должны были служить всѣ познанія и весь навыкъ. Практическая цѣнность знанія, котораго требовалъ духъ времени, для софистики заключалась только въ томъ, чтобы увеличивать силу личности, стремящейся къ власти и могуществу. Противъ этого возмущилась благородная патриотическая душа величайшаго аѣинскаго гражданина. Для него «дѣльнымъ» гражданиномъ былъ человѣкъ, мѣвший заботиться не о себѣ, но о государствѣ; умѣлость» государственнаго дѣятеля онъ видѣлъ не въ способности проводить свои мнѣнія и интересы или мнѣнія и интересы своей партїи, а въ прозорливости, направленной на служеніе общему благу; отъ науки онъ требовалъ вліянія на гражданъ не въ томъ смыслѣ, чтобы изъ нихъ создавались «дѣльные» для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей люди,—онъ требовалъ, чтобы наука дѣлала изъ нихъ людей, склонныхъ и способныхъ служить отечеству. Искусство, которому наука должна обу-

чать гражданина, заключается въ томъ, чтобы быть порядочнымъ въ нравственномъ смыслѣ, т. е. добродѣтельнымъ. Дѣльность и добродѣтель — вотъ въ чемъ различіе между софистами и Сократомъ: у первыхъ — личная способность дѣйствовать, у послѣдняго — нравственное развитіе характера. Но оба понятія выражались въ греческомъ языкѣ однимъ и тѣмъ же словомъ (*ἀρετή*, какъ позднѣе латинское *virtus*), и отсюда возникла историческая діалектика, которая, проглядывая уже у Платона, красной нитью прошла черезъ всю этико-политическую литературу послѣдующихъ столѣтій, представляя собою постоянный источникъ недоразумѣній и двусмысленностей.

Такимъ образомъ у Сократа, какъ и у софистовъ нѣтъ и рѣчи о знаніи, которое имѣло бы въ самомъ себѣ свою цѣль и свое удовлетвореніе, хотя, быть можетъ, иногда въ самомъ разговорѣ, въ пестрой игрѣ утверженій и опроверженій сказывалось эстетическое удовольствіе одареннаго богатой фантазіей грека. Въ общемъ же у него стоитъ на первомъ планѣ серьезность той задачи, которую должно выполнить познание — сдѣлать человѣка нравственно лучше и воспитать изъ него хорошаго гражданина. Но чѣмъ отчетливѣе сознавалась эта задача, тѣмъ яснѣе становилось, какъ недостаточны для ея выполненія средства, доставляемыя современной наукою. То самое, что было въ ней наиболѣе значительно, лишало ее всякой практической приложимости. Изъ пониманія природы она все болѣе и болѣе исключала антропоморфическіе элементы міра и перешла къ смѣлымъ отвлеченнымъ системамъ, въ которыхъ развивались общія теоретическія воззрѣнія на бытіе и происхожденіе всѣхъ вещей, на субъекты и формы естественныхъ процессовъ; но связь между этими метафизическими представленіями о механической совокупности внѣшняго міра и тѣмъ, что цѣнно въ человѣческой жизни, могла быть установлена въ лучшемъ случаѣ посредствомъ остроум-

ныхъ аналогій, и никогда нельзя было этого достигнуть путемъ строго логическихъ размышленій. Такое же значеніе имѣли и тѣ многочисленныя отдѣльныя свѣдѣнія, которыя слѣдовало переработать при помощи указанныхъ понятій. Наиболѣе пригодными изъ нихъ могли казаться данныя, которыя были добыты путемъ наблюденія и разсужденія въ области фізіологіи и психологіи, и число которыхъ въ V вѣкѣ поразительно возросло. Но именно то обстоятельство, что этими данными пользовались софисты, показывало, что такими средствами можно дойти только до пониманія психологической необходимости всѣхъ человѣческихъ мнѣній и волевыхъ движеній.

Всю эту ученость — въ которой онъ, вѣроятно, не былъ такимъ невѣждой, какъ иногда предполагаютъ, — Сократъ для своей цѣли считалъ возможнымъ и необходимымъ отбросить. Предметомъ того знанія, въ которомъ онъ надѣялся найти добродѣтель и счастье личности, благо и спасеніе государства, были только нравственныя цѣнности и нормы. Въ этой области Сократъ считалъ возможнымъ прийти къ твердымъ, имѣющимъ всеобщее значеніе результатамъ, въ противоположность софистическому направленію его эпохи, которое заставляло разжигаться и испаряться всѣ убѣжденія. Данныя для этого онъ нашелъ въ непосредственномъ народномъ сознаніи, въ той могучей силѣ, которую общее разумное размышленіе способно проявить надъ противорѣчіями и заблужденіями единичныхъ мнѣній и желаній. Посредствомъ совместнаго серьезнаго размышленія должны быть найдены, отъ какой бы отправной точки ни исходить, тѣ общіе принципы, на основаніи которыхъ человѣку слѣдуетъ, какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни, производить оцѣнки, устанавливать цѣли и сообразно съ ними поступать.

Поэтому, какъ ни высоко цѣнили именно Сократъ этическое, политическое и социальное значеніе

«знанія», онъ всетаки горячо боролся противъ цеховой «науки» въ ея софистической формѣ. Истиннымъ воспитателемъ нравственнаго знанія является для него народъ, и свою собственную задачу онъ видитъ только въ томъ, чтобы помочь «разрѣшиться отъ бремени» этому зачаточному сознанию, чтобы изъ смутныхъ чувствъ развить ясныя правила, и полусознанныя, неувѣренные стремленія воли и попытки оцѣнки претворить въ отчетливыя понятія. При такомъ взглядѣ знаніе оказывается нравственной и политической обязанностью каждаго гражданина, пробужденіе его—задачей всякаго зрѣлаго человѣка, цеховое же отношеніе къ нему, особенно тамъ, гдѣ ему, какъ ремеслу, предстоитъ сдѣлаться источникомъ дохода, является заблужденіемъ и униженіемъ.

Однако, какъ ни благороденъ былъ образъ мыслей Сократа, сказавшійся въ этихъ стремленіяхъ, какъ ни законна была та потребность, изъ которой они возникли,—эти стремленія все таки были совершенно непригодны для достиженія цѣли; и только гениальной личностью самого Сократа объясняется то могучее вліяніе, которое онъ имѣлъ на ограниченный все же кругъ очень разнородныхъ лицъ и которое прославило его имя. Обаяніе личности было сильнѣе, нежели философскій принципъ. Если отраженіе этой личности мы находимъ въ самомъ разнообразномъ освѣщеніи во всѣхъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, развѣтвленіяхъ древней философіи, и если каждое изъ нихъ заявляетъ притязанія на нее, какъ на своего героя, то общимъ для всѣхъ остается не философское ученіе, а именно эта сила личности. Безъ этого момента дѣятельность Сократа съ теченіемъ времени выродилась бы въ нравоучительное резонерство. Если же онъ требовалъ знанія «понятій» и этимъ высказалъ великій по своему значенію принципъ, то и въ немъ самомъ это было лишь зерномъ, брошеннымъ притомъ въ не очень благодарную почву. Дальнѣйшее развитіе наукъ до нашихъ дней показало, что образова-

ніе прочныхъ общихъ понятій въ области оцѣнокъ, быть можетъ, труднѣе, чѣмъ во всякой другой, и если мы присмотримся къ плодамъ, которые пожалъ самъ Сократъ на этомъ поприщѣ, то они окажутся очень незначительными. Когда Платонъ и Аристотель пересадили принципъ отвлеченнаго мышленія въ область метафизики и естествознанія, тогда только сократовскій побѣгъ окрѣпъ и превратился въ могучее дерево, которое впоследствии принесло свои плоды и для этики.

Поэтому, еслибы наука осталась въ тѣхъ рамкахъ, которыя указалъ ей Сократъ, и удовольствовалась однимъ знаніемъ того, что необходимо для практической дѣятельности, то среди этого сухого по существу рационализма и технического утилитаризма философскихъ красноречивъ вскорѣ были бы безвозвратно забыты все великіе результаты, достигнутые умственными усилиями до-софистической натурфилософіи; вмѣстѣ съ этимъ снова погибла бы цѣнность науки и снова вернулось бы первобытное состояніе, въ которомъ умственная жизнь проявлялась, рядомъ съ мнѣйскими представленіями, только въ практическихъ свѣдѣніяхъ и искусствахъ съ одной стороны, и въ нравоучительныхъ размышленіяхъ съ другой.

Здѣсь намъ становится понятнымъ значеніе Платона, который въ эпоху этого смутнаго и въ то-же время страстно возбужденнаго состоянія умовъ взялся пересоздать науку съ самаго основанія и потребовать для нея господства надъ всѣми сторонами человѣческой жизни. Смѣлость и силу для этого онъ черпалъ въ поклоненіи сократовскому жизненному идеалу и въ политической страстности, съ которою оно въ немъ соединялось. Онъ никогда не былъ безстрастнымъ мыслителемъ и изслѣдователемъ: горячая кровь моралиста и политическаго реформатора чувствуется во всѣхъ его сочиненіяхъ, какъ и во всей его жизни.

Но эта склонность получаетъ въ немъ возвышен-

ый характер благодаря преобладанию философской мысли. Онъ понималъ, что наукѣ, если она хочетъ дать законъ и направленіе человѣческой жизни, нельзя останавливаться на политическихъ и нравственныхъ размышленіяхъ, что она должна понять и установить цѣли человѣчества изъ совокупности цѣльнаго міросозерцанія, — и это было рѣшающимъ моментомъ въ его развитіи.

Если Платонъ, исходя изъ этой точки зрѣнія, снова воспринялъ идеи старой метафизики, если онъ такимъ образомъ соединилъ въ себѣ разрозненные нити предыдущаго развитія, то это сочетание космологическихъ и антропологическихъ принциповъ неизбежно должно было привести его къ телеологическому міросозерцанію. Если цѣли человѣческой жизни должны быть опредѣлены познаніемъ внутренней связи всѣхъ вещей, то и самую эту связь нужно понимать какъ нѣчто цѣлесообразное.

Такое телеологическое мировоззрѣніе само собою получаетъ религиозный характеръ. Поэтому въ то время, какъ первоначальная наука грековъ отвернулась отъ мнѣическихъ представленій, а эпоха просвѣщенія, въ лицѣ Сократа, какъ и въ лицѣ софистовъ относилась къ нимъ сравнительно безразлично, Платонъ снова приходитъ въ живое соприкосновеніе съ религиознымъ сознаніемъ. Онъ даже и въ этомъ отношеніи человѣкъ партіи и является представителемъ опредѣленнаго направленія. Научный интересъ такъ тѣсно связанъ у него съ религиознымъ, что онъ, въ противоположность всему остальному греческому міру, догматически устанавливаетъ и защищаетъ опредѣленные религиозныя положенія и вводитъ ихъ, какъ составныя части, въ свою метафизическую систему. Такимъ образомъ онъ становится первымъ богословомъ; онъ всегда дѣйствовалъ какъ богословъ, и богословомъ его всегда признавали.

Только съ этой точки зрѣнія получаетъ свою особенную окраску его намѣреніе — сдѣлать науку

путеводительницей жизни; и въ этомъ стремленіи — сдѣлать опредѣленное ученіе господствующимъ принципомъ въ мірѣ людей — заключается значеніе его дѣятельности, пророчески опередившей его время.

И если въ заключеніе мы прибавимъ, что это огромное внутреннее содержаніе проявлялось не только въ безустанномъ преподаваніи и въ юношески-бодрой, до глубокой старости не ослабѣвавшей дѣятельности, но и лежитъ передъ нами въ художественно совершенной формѣ, что этотъ мыслитель и политикъ, этотъ богословъ и пророкъ былъ однимъ изъ величайшихъ писателей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, то передъ нами встанетъ законченный образъ одной изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, въ которыхъ концентрируется высшее содержаніе всѣхъ сторонъ жизни нашего рода, какъ будто достигая крайнихъ предѣловъ, какіе доступны человѣку.